

На виду у заоблачной смерти
И в готовности номер один
Все пилоты сидят
на концерте,
Не покинув привычных
набин.

Так писал поэт Михаил Дудин о фронтовых концертах для защитников Ленинграда, находившихся в жестокой блокаде. В ту пору большую популярность получил среди воинов и гражданского населения эстрадный джаз-ансамбль, возглавляемый художественным руководителем Владимиром Коралли. В числе других артистов была молодая тогда певица, а ныне народная артистка СССР, Клавдия Шульженко.

Бойцы и офицеры, а также шоферы, которые во время блокады возили грузы для осажденного Ленинграда, хорошо помнят этот джаз. Они были первыми слушателями знаменитой песни «Синий платочек», исполняемой Клавдией Шульженко.

Защитники города-героя всегда запомнили артистов, которые вместе с ними делили фронтовые невзгоды на Ладоге, запомнили талантливого певца Клавдию Шульженку и художественного руководителя «джаза-солдата» Владимира Коралли.

Артист Москонцерта Владимир Филиппович Коралли сейчас находится на отдыхе в Ялте. Публикуем его воспоминания о фронтовых гастроллях, которые проходили в те суровые дни на знаменитой трассе — «Дороге жизни», проложенной по льду для спасения осажденного Ленинграда.

ПЕРЕДО мной встает картина того времени. Дачное предместье Ленинграда. В небольших коттеджах довоенной постройки разместились летчики. В нескольких километрах — аэродром. Оттуда время от времени доносится рокот моторов. Концерт проходит в большом сарае, наскоро оборудованном под клуб. Собравшиеся живо реагируют на выступления артистов. Программа уже давно исчерпана, а летчики все требуют повторения.

Многое припоминается из того сурового времени. Интересными были встречи нашего фронтового джаз-ан-

самбля с выдающимся советским писателем Всеволодом Витальевичем Вишневым. Еще задолго до войны он часто посещал Ленинградский мюзик-холл, в котором я работал тогда. Там мы и познакомились.

Осенью 1941 года политуправление Ленинградского фронта создало творческих работни-

— Это какие еще артиллеристы-железнодорожники? — переспросил я. — Какой-то пезнакомый мне род войск.

— Будете обслуживать команду бронепоезда, — пояснил полковник.

Час, другой... И наш автобус уже мчится по лесной дороге. На небольшом, спрятавшемся в сосновой чаще полустанке сто-

ящем зале уже собрались летчики и снайперы, зенитчики и танкисты, морские пехотинцы и минометчики. Среди присутствовавших, примостившись неподалеку от сцены, сидел и делал зарисовки Анатолий Никифорович Яр-Кравченко, ныне народный художник РСФСР.

На сцене стоял стол, покрытый кумачом, на котором ле-

Алексей Александрович задумался. Его чуть скуластое, худощавое, смуглое лицо стало серьезным. Затем он ответил: — Товарищ Коралли, обмундирование — полушубки, валенки, телогрейки — вы получите немедленно. Что же касается продовольствия... — он посмотрел на меня внимательно, — мы пока ни одного грам-

озера дьявольскую железную дорогу! Радостно было видеть, как навстречу, по направлению к Ленинграду, двигался мощный поток груженных автомашин.

Нас разместили в деревне Мостовой. Три дня мы находились под строгим медицинским наблюдением. Постепенно мы «отошли», после чего началась

вию, как память о битве за город великого Ленина.

...Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в марте 1942 года на Волховском фронте. Эта дата совпала с днем рождения Клавдии Ивановны Шульженко. Условия работы и само время не позволяли должным образом отметить такую дату. Поэтому совершенно не-

ли от Выборга к Ленинграду. По пути культработники военных частей неоднократно записывали наши концерты на пленку. Очевидно, в числе других трофеев записи попали к немцам. Пленка была так смонтирована, что советские люди негодовали, слушая на оккупированной территории по радио нашу программу.

«Мы счастливы, наши друзья, что сегодня выступаем для вас», — такими словами начинался концерт. Голос был мой, да и слова мои, только текст, обращенный к советским воинам, был вырезан.

Наша работа на трассе подходила к концу. В апрельский солнечный день на берегу Ладоги состоялся прощальный концерт. Длится он полтора часа. Звуки оркестра сливаются с гудками паровозов и паровозов. По окончании концерта стихийно возник митинг. Заместитель начальника пиеса Виктор Михайлович Румянцев поблагодарил коллектив фронтового джаз-ансамбля за плодотворную работу на трассе.

Погрузив инструменты в автобус, мы направились к нашей постоянной базе.

Надолго останутся в нашей памяти встречи с легендарными героями Ладоги. За два с половиной месяца нашего пребывания на Ладожской трассе джаз-ансамбль дал около двухсот концертов.

В первых числах июля 1942 года в помещении ЛДКА имени С. М. Кирова состоялся пятисотый концерт нашего джаз-ансамбля на Ленинградском и Волховском фронтах. Это был очень торжественный вечер, на котором присутствовали славные защитники города-героя.

Владимир КОРАЛЛИ, солист Москонцерта, бывший художественный руководитель Ленинградского фронтового джаз-ансамбля.

Рассказывают наши гости

ФРОНТОВЫЕ ГАСТРОЛИ

ков, обслуживавших действующую армию. В их числе был приглашен и коллектив нашего джаз-ансамбля. Сравнительно небольшой зал заполнили фронтовые писатели, художники, артисты. С докладом выступил Всеволод Вишневыч. Он был сосредоточенный и строгий. Эту строгость еще более подчеркивала черная морская форма. Обращаясь к собравшимся, Всеволод Витальевич сказал, что, вероятно, у всех защитников Ленинграда будет какой-то отличительный знак, указывающий на их участие в обороне великого города.

— И вот тогда, — продолжал писатель, — люди при виде такого знака скажут: — Шапку снимите — ленинградец идет!

Мы выступали на кораблях в матросских кубриках, в госпиталях, в блиндажах, на оборонных заводах, в палатках медсанбата и на призывных пунктах перед ополченцами, отправляющимися в окопы. Однажды начальник Ленинградского Дома Красной Армии, невысокий, круглолицый полковник Лазарев сообщил мне: — Поедете, товарищ Коралли, со своим джазом к артиллеристам-железнодорожникам.

ит зеленый бронированный поезд.

— А мы вас, товарищи артисты, уже давнождаем, — такими словами встретили нас командиры бронепоезда старший лейтенант Тараус и комиссар старший политрук Адамов. — Просим вас выступить именно сейчас. Мы сразу же после концерта отправляемся на выполнение боевого задания. Вот ваша сцена, — указал командир на платформу, прицепленную к бронепоезду. Маленький лесной полустанок огласил звуки медных труб, саксофонов, прозвучал залушевый голос Шульженко. Об этих концертах бойцы и командиры бронепоезда тепло писали в специальном художественном альбоме с фотоснимками нашего джаза.

...Шло время. К зиме 1941 года у нас на счету уже было около двухсот выступлений перед защитниками Ленинграда. Наступили самые тяжелые дни для города-героя. В один из таких дней нас пригласили выступить на вечере, посвященном награждению лучших воинов фронта и моряков Краснознаменной Балтики. И вот звание одного из военных учреждений. В большом, ярко освещенном зале уже собрались

жители красные корбочки с орденами. В президиуме был секретарь Ленинградского горкома партии, член Военного совета Ленинградского фронта Алексей Александрович Кузнецов. Он подробно расспрашивал о жизни нашего коллектива, о наших нуждах. Рассказав ему о многочисленных выездах в воинские части, я решился сообщить и о трудностях. Перед моими глазами встало изможденное, бледное лицо саксофониста Николая Тимофеева. Он делил свой паек с семьей, а сам довольствовался небольшой долей. У него началась дистрофия. Не менее тяжело переживал голод и Анатолий Кастелли. Работая в акробатической паре с Аллой Ким, он должен был поднимать на одной руке свою партнершу. Однажды, выступая перед рабочими оборонного завода, он несколько раз принимался исполнять номер, но напрасно. Рука его дрожала, лицо покрывалось потом. — Не могу! — сказал мне потом Анатолий. — Не хватает сил.

Все это припомнилось мне во время беседы с Кузнецовым, и я попросил его прибавить некоторым артистам паек и выдать теплые вещи.

ма прибавить к установленному пайку не можем.

Хочется рассказать об одной памятной встрече — с Ольгой Федоровной Берггольц. Осенью 1941 года был организован концерт по радио для оккупированных районов Ленинградской области. Вела его Ольга Федоровна. Передача шла, невзирая на частые налеты вражеской авиации, на сильный артобстрел. Ольга Федоровна была спокойна, сосредоточенна. Глядя на нее, я думал, откуда у этой худенькой женщины такая неустойчивая сила, стойкость? Творческая деятельность этой подлинной героини блокадного Ленинграда была для защитников города примером отваги и мужества. Ее «Февральский дневник» являлся настольной книгой для ленинградцев. Отдельные стихотворения ее мы впоследствии ввели в свой репертуар.

По решению политуправления Ленинградского фронта наш ансамбль направлялся для обслуживания частей действующей армии Волховского фронта и Ладожской трассы.

Легендарная трасса, «Дорога жизни!» Помню текст фашистской листовки: «Красные антихристы построили на льду

интенсивная работа. По три-четыре концерта давали мы на трассе ежедневно.

Наш первый концерт для дорожников и водителей на Ладожской трассе был в пункте Кобона—Старая Ладога. Начальник политотдела майор М. Ковалев указал нам на ветхий бревенчатый домик, уже заполненный бойцами, — в нем должно было проходить наше выступление.

Среди слушателей были дорожники; они только что вернулись со льда озера.

На коротком митинге, которыми обычно заканчивались наши выступления, дорожники и водители машин поклонились: не шадя своих сил, круглосуточно, невзирая на бомбы и артобстрелы, доставляли все необходимое героическим ленинградцам.

Много лет спустя у Вагановского спуска, на 40-м километре «Дороги жизни», был воздвигнут монумент — памятник «Разорванное кольцо». А в ноябре 1972 года бывший начальник политотдела части М. Ковалев вручил Клавдии Ивановне Шульженко и автору этих строк почетные знаки «Участнику «Дороги жизни». Мы храним их как священную реликвию.

ожиданным был для нас приход в землянку адъютанта генерала И. И. Федюнинского. Адъютант пригласил нас к генералу. В просторной, опрятной землянке был накрыт стол. Первый тост провозгласили за Родину. Второй — за скорейшее соединение воинов Волховского и Ленинградского фронтов, за прорыв блокады. А третий — за «новорожденную», Клавдию Ивановну. Далеко за полночь затянулась беседа. И вдруг генерал с напускной строгостью спросил:

— Что ж это вы, друзья, одновременно обслуживаете нашу армию и фашистскую?!

И, уже смеясь, рассказал, как однажды слушал по радио из оккупированных городов Пскова и Новгорода концерт нашего джаз-ансамбля. С возмущением узнали мы причину интереса гитлеровцев к нашему репертуару. Оказывается, мы стали жертвой дживой геббельсовской пропаганды. Создавалось впечатление, что Шульженко и Коралли со своим оркестром перешли в лагерь врага.

Каким же образом врагам удалась эта фальсификация? С первых дней войны мы вместе с нашими войсками отходи-